

Дзенс Н.И.
к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА КОНСТРУКЦИИ MAN + VERBUM FINITUM ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье предпринимается классификация имплицитных семантических субъектов конструкции *man + verbum finitum* на основании учёта прагматического аспекта их функционирования в рамках дискурса, в терминах социальных ролей; систематизируются случаи передачи имплицитного субъекта предложения посредством экспликации его социально-ролевой характеристики при переводе на русский язык.

Ключевые слова: имплицитность, семантический субъект, неопределённость субъекта, обобщённость субъекта, социальная роль, ролевая группа, эксплицирование имплицитного субъекта.

Dzens N.I.
Belgorod National Research University, Russia

EXPLICATION MEANS OF SEMANTIC SUBJECT OF “MAN + VERBUM FINITUM” CONSTRUCTION WHEN TRANSLATED INTO RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the typology of implicit semantic subjects of the construction “*man + verbum finitum*” on the basis of pragmatic aspects of their functioning in discourse, in terms of social roles. The article deals with the methods of explicating the social roles of the implied subjects when translated into Russian language.

Key words: implication, semantic subject, indefinite personal subject, generalized personal subject, social role, role group, explication of the implied subjects.

Предложения с местоимением *man* с позиций функционально-семантического подхода относятся к числу имплицитно-личных конструкций, способных репрезентировать свой субъект (как «скрытую» категорию), при поддержке контекста и коммуникативно-прагматических условий ситуации общения, в категориях неопределённо- и обобщённо-личности, в связи с чем в рамках данной структурной модели разграничиваются два функционально-семантических варианта, которые обычно трактуются как два самостоятельные типа предложений: неопределённо- личное и обобщённо-личное предложения [2: 164].

В немецкой германистике местоимение *man* отграничивается от других неопределённых местоимений с семантикой антропонимичности субъекта (так называемых «специфицированных» индефинитов, обозначающих «неопределённость меры и объёма»: *jemand, jeder, manche, viele, alle*) на основании инвариантного признака «генерализированной (обобщительной) неопределённости», «очень обобщённого представления некоего существа в неопределённой форме» [4: 357-358], чем и объясняется высокий функциональный потенциал местоимения *man*, позволяющий представлять

имплицитный семантический субъект в рамках лингвистического контекста «от замещения 'Я' до обозначения целых групп людей и всего человечества в целом» [3: 292].

В работах российских германистов неопределённо-личность и обобщённо-личность субъекта и соответствующих типов предложения трактуется в опоре на отечественную традицию, восходящую к концепции лингвистов психологического направления (А.А.Потебни, Д.Н.Овсянико-Куликовского, А.М.Пешковского и др.), исследовавших предложения русского языка с учётом поверхностной и глубинной структуры предложения (грамматической и «психологической» предикации). При этом в качестве основного признака НЛП обычно констатируется неизвестность, неопределённость носителя действия либо его «устранённость», «завуалированность», в связи с чем поиск семантического субъекта объявляется излишним, ибо в фокусе внимания находится действие, а мысль о субъекте отсутствует [2: 164]. Анализ субъектной сферы обычно сводится к «исчислению» неопределённых субъектов (на оси «кто-то, некоторые, многие, все»). Однако следует отметить, что подобный подход основан, как кажется, на определённом недоразумении, поскольку системные признаки НЛП, наиболее чётко изложенные в концепции А.М.Пешковского в опоре на формально-грамматические признаки соответствующих грамматических структур, исследователями второй половины XX в. были перенесены на семантический уровень. Остановимся коротко на этой проблеме.

Основываясь на базовых характеристиках двусоставного, субъектно-предикатного предложения, для которого характерно согласование глагольной формы с подлежащим в формах лица и числа, Пешковский сопоставляет с ним два типа односоставных предложений: неполные личные и неопределённо-личные предложения, которые он рассматривает в аспекте трансформации исходной, двусоставной грамматической структуры посредством «устранения» формального элемента в позиции грамматического субъекта (подлежащего). Остановившись затем на характере «проекции» сказуемого этих типов предложения к отсутствующему субъекту, на степени явственности значений лица и числа, репрезентируемых глаголом без поддержки местоимения в позиции подлежащего, А.М.Пешковский для неполных личных предложений (НЛ) констатирует «прозрачность» отсутствующего подлежащего, которое легко может быть восстановлено из окружающего контекста (здесь субъект как бы «случайно» опущен), в то время как отсутствие субъекта в неопределённо-личных предложениях он трактует в плане специфической интенции предложения, отражающей особую коммуникативную установку говорящего. Подтвердим сказанное цитатой: «Здесь подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределённое» [1:371]. Таким образом, если неполное предложение он рассматривает лишь как контекстуальный вариант двусоставного, личного предложения, то неопределённо-личное предложение, с его точки зрения, представляет собой самостоятельный парадигматический тип предложения, самостоятельную

структурную модель со своими системными характеристиками, как-то: «устранённость» грамматического субъекта, неопределённость лица и числа глагольной словоформы в позиции предиката (поскольку в этих предложениях используется только форма третьего лица ед. числа, категориальная оппозиция в данном типе предложений нейтрализуется: субъект грамматической конструкции является «не-определённым», глагольная форма третьего лица также утрачивает свою определённость): «...при сравнении с безличными предложениями эти предложения оказываются личными, а при сравнении с обычными личными предложениями выделяются неопределённостью подлежащего. Вот почему их можно называть **неопределённо-личными**» [1: 371].

Как представитель психологического направления в лингвистике, А.М.Пешковский довольно явственно акцентирует внимание на глубинном уровне неопределённо-личных предложений (именуя его «психологическим» уровнем): «... предложения нашего нового типа: *в парламентах много **говорят**, в этой пьесе много **поют**, его завтра **хоронят** и т.д.* В них действующее лицо далеко не так ясно, как в предыдущих, и эта неясность как раз очень важна для них. Мы могли бы перечислить, кто в парламентах говорит (депутаты, министры), кто в пьесе поёт, кто хоронит, но такое перечисление совершенно исказило бы фразу. В то время как в прежних предложениях добавление опущенного подлежащего создало бы в худшем случае лишь стилистическую неловкость (потому что ввело бы лишнее слово), здесь оно бы стёрло самый синтаксический облик фразы, изменило бы строй её» [Там же].

Анализ субъектной сферы конструкций *map + vf* в когнитивно-прагматическом аспекте, с учётом как лингвистического контекста, так и прагматических условий дискурса, позволил выявить определённую специфичность семантического субъекта в рамках как неопределённо-личного, так и обобщённо-личного варианта этой конструкции: носители действия условиями конситуации конкретизируются как носители определённой социальной роли, представители различных «социально-ролевых» групп, характер которых обоими коммуникантами осознаётся с достаточной долей адекватности, чем и обусловлено «устранение» имени субъекта из поверхностной структуры предложения.

На основании учета прагматического аспекта (репрезентируемых в НЛП и ОбЛП денотативных ситуаций и условий дискурса) можно выделить следующие типы возможных социальных групп в качестве субъектов конструкции *map + vf*: 1. статусные РГ (представители классово-иерархических, профессиональных, территориальных, этнических, «малых статусных» РГ: феодалы, крестьяне, духовенство, рабочие, горожане, граждане страны); 2. позиционные РГ (субъекты выступают как представители социальных статусов, составляющих бинарную оппозицию в конкретной ситуации общения: руководитель – подчинённый; родители – дети; учителя – ученики и т.д.); 3. ситуационные / бытовые РГ (коллективы случайного, временного характера: покупатели, гости, попутчики и т.д.); 4. гетерогенные РГ (субъект является неопределённым в плане принадлежности к РГ: он может

быть представителем любой из нескольких возможных РГ в данной конкретной ситуации); 5. неизвестное лицо или РГ (в нашем материале составляет 4% от выборки в 10.000 примеров).

В научных исследованиях до сих пор широко распространено мнение, что поиски семантического субъекта применительно к НЛП нецелесообразны в силу «устранённости» субъекта, согласно коммуникативной установке автора. С этим мнением трудно согласиться: анализ эмпирического материала показал, что адресант, используя краткую и ёмкую форму конструкции *man + vf*, рассчитывает именно на пресуппозиции (фоновые знания) адресата (читателя, слушателя); в тех случаях, когда он предполагает, что мысленная интерпретация адресатом субъектной сферы высказывания может оказаться неполной или неадекватной, он даёт эксплицированную репрезентацию носителей действия в последующем контексте (иногда перечисление субъектов занимает несколько строк, особенно в текстах древних хроник).

При переводе конструкции *man + vf* с имплицитным семантическим субъектом широко используются имплицитно-личные конструкции русского языка (односоставные предложения с глаголом третьего лица ед.ч., пассивные, безличные агентивные, инфинитивные или императивные предложения), однако в целом ряде случаев отсутствие в русском языке адекватного узуального соответствия с имплицитным субъектом вынуждает переводчика обращаться к личным конструкциям с экспликацией семантического субъекта. Приведём некоторые примеры:

I. Статусные РГ: 1. [В здании ратуши – тишина: идёт заседание.] *Man war hier, um festzustellen, ob das ständische Prinzip in der Volksvertretung beizubehalten oder das allgemeine und gleiche Wahlrecht einzuführen sei (Th.Mann).* – *Городская дума собралась здесь для того, чтобы обсудить..*

II. Позиционные РГ (оппозиция статусных ролей): 2. [У актёров театра и кино совершенно различный характер отношений с режиссёрами.] *Als Filmschauspieler unterliege man einer totalen Bemutterung, beim Theater werde man zwar bei den Proben an die Hand genommen, müsse danach aber in größter Selbstverantwortung handeln (Kulturchronik).* – *В кино актёр вынужден полностью подчиняться чужой воле, а в театре подобный патернализм имеет место только на репетициях;* 3. [Господин Б. рассказывает о методах допросов и психического давления следователей на узников.] *Ich wurde nicht zu jenen Unglücklichen getrieben, an denen man mit körperlichen und seelischen Erniedrigungen ein lang aufgespartes Ressentiment austobte (St.Zweig).* – *Меня не поместили с теми несчастными, на которых гитлеровцы всеми способами – терзая их душу и тело – вымещали накопившуюся злобу.*

III. Ситуативные / бытовые РГ: 4. [Хозяева и гости вспоминают за праздничным столом своих родственников.] *Man erwähnte die in Frankfurt und die in Hamburg, man gedachte auch des Pastors Tiburtius in Riga (Th. Mann).* – *Сотрапезники поговорили о франкфуртских и гамбургских родственниках, вспомнили... о пасторе Тибуртиусе в Риге;* 5. [Хозяин излагает гостям программу вечера]. *Man äußerte lärmende Genugtuung (H.Mann).* – *Гости шумно выразили своё удовлетворение;* 6. [Небо затянуло тучами. Гости

забеспокоились, засобирались домой. Хозяева приказали подать карету.] *Man trat auf die Straße hinaus* (Th.Mann). – **Вся компания** вышла на улицу; 7. [Акция протеста. Речь одного из ораторов заинтересовала собравшихся.] *Man machte sich aufmerksam, stieß sich in die Seiten und sagte gedämpft...* (Th.Mann). – **Толпа** насторожилась, затопталась на месте, заговорила приглушёнными голосами...; 8. *Die ganze Horde der Reisenden verteilte sich auf den Wegen zu den Wirtshäusern. Man staunte die Obstbäume an* (H.Mann). – **Вся эта огромная толпа** разбрелась по дорогам...**Люди** дивились, глядя на фруктовые деревья.

При переводе обобщённо-личных предложений также используются номинации ролевых групп (**мужчины, женщины, солдат, зритель**), лексемы с квантором всеобщности (**человек, люди, все, все люди**), а также личные местоимения **ты, вы, мы**: 9. [В современной позиционной войне от солдата требуется большее мастерство, чем раньше] *Man muss Verständnis für das Gelände haben...* (E.M.Remarque). – **Солдат** должен разбираться в местности...; 10. *Ohne Schonung kommt man vom Fleisch* (E.Strittmatter). – **Человек**, которого не жалеют, спадает с тела; 11. *Ach, was man ist, kann und hat, scheint arm, grau, unzulänglich und langweilig* (H.Mann). – **Ах, то, что мы** есть, **то, что мы** можем и что имеем, кажется нам жалким, серым, недостаточным и скучным.

Литература

1. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
2. Цыганова, И.А. Неопределённо-личные предложения. [Текст]. / И.А.Цыганова // А.В.Фёдоров и др. Немецко-русские языковые параллели. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – С. 140 - 165.
3. Duden. Grammatik. [Text]. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1973. – 764 S.
4. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. [Text] / W.Jung. – Leipzig: Bibl. Inst., 1966. – 518 S.